

ТОМАС
КЕЙТЛИ

ТРАМПОЛНЕРЫ

— И ДРУГИЕ —

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Томас Кейтли

Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья

Текст предоставлен издательством «Центрполиграф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614485

Томас Кейтли. Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья:

Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-03786-2

Аннотация

В книге на широком историческом материале рассказывается о развитии средневековых тайных обществ, созданных людьми, которые стремились освоить и применить на практике мистические знания, далеко выходявшие за пределы догм их вероучения, отображены источники их конфликтов с правящими кругами. Это и тамплиеры – воинствующие монахи, которые доказывали преданность своей религии и ее истинность силой оружия, и ассасины – первый монашеский военный орден в исламе, который, распространяя свое вероучение, устранял на занятой им территории руками мулахидов, фанатиков-убийц, мусульман и христиан без особого разбора. Помимо тамплиеров и ассасинов, это историческое исследование повествует о тайных трибуналах Вестфалии, известных также как суды фемы – своеобразные комитеты бдительности граждан, вершивших

тайный суд и неукоснительно приводивших в исполнение приговоры в Средние века, когда в Германии царил беззаконие. Ставшее классическим исследование английского историка Томаса Кейтли, отличающееся глубоким проникновением в тему, представляет интерес для всякого любознательного и пытливового современника.

Содержание

Введение	5
Ассасины[3]	21
Глава 1	21
Глава 2	35
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Томас Кейтли

Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья

Введение

Всякое исследование причин появления тайных обществ вероятнее всего приводит к выводу, что они формировались определенными группами лиц при приобретении неких знаний, не являющихся общедоступными. Со знаниями происходило то же, что и с любой другой собственностью людей – их владельцы стремились владеть ими безраздельно. Правда, в данном случае это нежелание делиться приобретенными знаниями с другими людьми мотивировалось несколько иными причинами, не похожими на те, которые выглядят естественными, когда речь идет о ценностях любого другого рода. Распространяя знания, их владелец ничем себя не обделяет. Ведь если подходить к обладанию знаниями как к владению реальными благами, то владелец такого богатства не становится беднее, раздавая его, как это было бы с деньгами, напротив, он остается столь же богат, как и раньше,

даже после того, как сделал множество других людей обеспеченными не хуже себя самого. Тем не менее кое-что при этом теряется, и это то, чему человеческий разум склонен придавать крайне большое значение: теряется предоставляемая знаниями исключительность. Данная исключительность в самых разных своих проявлениях служит тем же самым целям, что и деньги. Так же как и деньги, она приносит почет и внимание. Как деньги, она приносит самую желанную для людей вещь – власть. Более того, знания, если они держатся в тайне, дают существенную власть. Здесь стоит отметить, что в английском языке «знаю» и «могу» звучит одинаково. Но у власти есть еще и особенности: обладание некими знаниями возвышает индивидуумов над всеобщим невежеством. Это не только возможность делать нечто, чему можно научиться, лишь владея этими знаниями, но и способность управлять другими людьми, используя свое сравнительное могущество на фоне чужой слабости.

Мотивы, побуждающие обладателей знаний к сохранению своих эксклюзивных прав пользования ими, столь сильны, что, не будь у людей прямо противоположных, действующих таким же образом интересов, удовлетворяющих личные эгоистические устремления, вряд ли можно было бы рассчитывать, что когда-либо знания стали свободно распространяться. В данном случае мощным противодействующим средством является понимание, что в большинстве случаев знания наиболее эффективно можно использовать для привле-

чения всеобщего внимания и восхищения, лишь передавая их. Лучи света должны пробиваться вовне и освещать мир даже тогда, когда вполне можно любоваться ими в закрытом помещении. В самые мрачные времена ученый или философ мог считать свои амбиции вполне удовлетворенными, получив репутацию человека, достигшего невероятных результатов, вызывающих бестолковое удивление либо суеверный ужас непритязательной толпы. Но как только такие вещи, как тяга к знаниям и любопытство, становятся характерной чертой человеческого рассудка, все те, кто желал извлечь славу или почет своими интеллектуальными возможностями, тем, чему они научились, что узнали, стремятся вызвать восхищение у подобных себе, уже делясь, а не скрывая свои знания. Они не закрывают доступ к бесценному фонтану, а, наоборот, позволяют его водам свободно течь, давая тем самым возможность испить из него любому желающему. С этого момента у науки практически не остается никаких секретов, более того, все, что можно изучить, подвергается тщательному исследованию, и всеобщая распространяемость знаний становится основной тенденцией.

Однако в предшествовавший этому период положение вещей было прямо противоположным. Стимулов к передаче знаний было мало либо их вообще не существовало, зато у их обладателей было множество мотивов скрывать знания от всех, сохраняя их исключительно для себя. Способность воспринимать и даже просто понимать поступающие

из-за рубежа философские истины не была достаточно развита, особенно если они приходили в своем исконном виде и объяснялись собственными же принципами и категориями. До них никому не было дела, либо они понимались толпой извращенно, преобразовываясь ею в нечто настолько неожиданное и мистическое, насколько это позволяло их практическое применение. В большинстве случаев попытки преподавать философские учения, заниматься этим профессионально сопровождалась реальными опасностями. Слишком сильно они противоречили некоторым из наиболее сильных предубеждений, господствовавших повсеместно. Поэтому не стоит удивляться, что носителям новых знаний приходилось охранять и защищать их путем создания тайных обществ, которые не только огораживали и скрывали членов от широких масс, исключая толпу из процесса познания, но и попутно решали и другие насущные проблемы затворников. Они предоставляли возможность свободного обсуждения и обмена мнениями, недоступную иными способами. Их внешний облик специально окутывался мистикой и тайной, чтобы поражать воображение людей, вызывать слепое почитание и благоговейный трепет. И наконец, дымовая завеса, которой они окутывали свою деятельность, позволяла членам тайных обществ объединять свои усилия, действовать по плану, чувствуя себя в безопасности, свободными от вторжения извне. Особенно важно это было, если ими вынашивались какие-либо политические новации либо другие

проекты, открытое отстаивание которых официальные власти никогда бы не потерпели.

Предоставляемые тайными сообществами возможности, а можно сказать и искушения преследовать именно противозаконные политические цели были настолько велики, что налагавшиеся властями запреты на них выглядели вполне оправданными вне зависимости от предлогов, под которыми те возникали. Спору нет, что при неудачном управлении государством желательные политические реформы осуществлялись зачастую именно при помощи таких тайных сообществ и какими-либо иными способами достичь их было невозможно. В силу природы вещей тот же самый образ действий не менее эффективен для свержения успешных правителей. Люди с дурными намерениями будут собираться для осуществления втайне своих дурных замыслов с той же вероятностью, что и люди с благими – для реализации своих благих планов. В любом случае тайное общество – это государство в государстве, самостоятельная сила, независимая от той, что признается высшей властью в государстве, и тем самым нечто настолько дезорганизирующее и противоречащее основополагающим принципам любого правления, что ни одно государство его не терпит. В случае с «плохим» правительством действительно для его свержения хороши все средства, которые не противоречат моральным принципам. Здесь главным правилом должно быть применение критериев благоразумия и целесообразности. Тогда тайное объ-

единение сторонников реформ в определенных обстоятельствах может быть наиболее эффективным средством достижения желаемой цели, однако насколько бы желательна ни была такая цель, она не входит в число тех, которые предусматриваются конституцией государства. Ни одна конституция не может исходить из допущения, что пусть даже необходимые изменения должны осуществляться не регулируемые ею институтами, не составляющими часть действующего государственного механизма. Тот самый момент, когда подобные институты начинают успешно действовать, знаменует начало революции и окончание конституции. Даже внесение поправок в конституцию, осуществленное подобным образом, означает ее уничтожение.

Тем не менее большинство из наиболее известных тайных обществ, существовавших в различные века и в разных странах, либо изначально создавались для достижения неких политических целей, либо постепенно приходили к тому, что подобные цели начинали рассматриваться ими среди своих основных задач. Даже если главной целью создания общества были, к примеру, религиозные реформы, все равно, насколько об этом можно судить по сохранившимся документам, они могли рассматриваться как имеющие политический характер, учитывая, насколько переплетены были церковные и гражданские институты власти почти в любой стране. При этом влияние, какое тайные общества стремились оказать на официальную власть, далеко не всегда было столь амбици-

озным, чтобы полностью низвергнуть ее и заменить другой формой правления. Все, чего они хотели, могло заключаться лишь во внесении изменений в какой-нибудь определенной сфере. Более того, целью организации могла быть поддержка основных принципов конституции перед силой обстоятельств, угрожавших их попранию или изменению. Но на что бы они ни нацеливались: на изменение или поддержку действующего порядка вещей, – нелегитимность и опасность деятельности тайных союзов, как уже было сказано, относит их к той разновидности политических сил, которую ни одно здравомыслящее правительство не будет терпеть. Вместе с тем случалось, что в чрезвычайных ситуациях и в периоды крушения цивилизаций именно такие организации оказывали неоценимую пользу в обеспечении наиболее важных потребностей общества и в определенной степени восполняли прорехи в прогнившей системе официального правления.

Система тайных обществ – это настоящий клад для сторонников политических реформ во времена, когда общественное сознание еще не освободилось от предрассудков, чтобы воспринять и поддержать проекты улучшения существующих институтов и общественных устоев. В таких условиях публичное изложение своих взглядов было бы гласом вопиющего в пустыне. В худшем случае результатом подобной попытки стала бы гибель. Между тем, объединяясь в тайном сообществе и извлекая все преимущества передовых знаний и интеллектуальных способностей, а также дей-

ствуя сообща, очень малое количество людей могло добиваться непропорционально значимых результатов. Порой им удавалось в существующие достаточно сильные социальные системы вбить такой клин, который разбивал и разносил их в ключья независимо от того, сколько веков невежества требовалось на их выстраивание. В отсутствие действенных формальных законов и правоохранительной системы такие общества могли брать на себя роль обеспечения правосудия, применяя собственный авторитет там, где не хватало власти парализованного и бессильного государства. Даже суеверия и страхи, поражающие воображение масс и заставляющие их преклоняться перед загадочной организацией и ее таинственными методами деятельности, берутся на вооружение и помогают держать население в повиновении.

В целом систему тайных обществ, создаваемых в политических целях, даже если не принимать во внимание, насколько желательно их достижение, можно рассматривать как средство, позволяющее людям с благими намерениями компенсировать враждебность внешней среды во времена всеобщего невежества либо в тех государствах, где нарушаются основные принципы справедливого правления и путем наложения запрета на свободное высказывание своего мнения останавливается развитие общества. Однако в странах, где существует свобода слова, где общественное сознание достаточно просвещено, чтобы не воспринимать идеи, идущие вразрез с основополагающими правилами и принципа-

ми государственности, необходимость объединения людей в политических целях будет минимальна. В подобных благоприятных условиях для сторонников улучшения социальной системы существует один способ действия – выходить на свет, поскольку нет другого более достойного места для осуществления их миссии, и стараться реализовать свои планы путем нахождения взаимопонимания у своих сограждан.

Однако существенным изъяном, которому подвержены любые тайные общества, является вероятность того, что цели и методы действия их членов будут искажены теми, кто заинтересован в ослаблении власти и влияния конкурентов. До тех пор пока бдительное око государства и всех заинтересованных в сохранении системы лиц будет приковано к подобным сообществам, последние будут жестко ограничивать круг посвященных и действия допущенных членов. А поскольку их собрания по той же самой причине должны протекать в удаленных местах и чаще всего в ночное время, их противники получают возможность, крайне редко упускаемую, распространять какие угодно очерняющие слухи о покрытых тайной действиях. И насколько бы невинными себя ни чувствовали оклеветанные, открыто выступать с опровержениями они обычно тоже не способны. Подобными уловками в людях вызываются столь сильные подозрительность и неприязнь к непонятым обществам, что они порой начинают преследовать защитников их же интересов, прягаясь в ярмо, надеваемое на них истинными недругами.

Схожесть обвинений, выдвигаемых против тайных организаций в самых разных частях света, является вполне достаточным доказательством их надуманности, поэтому к ним следует относиться с известной долей недоверия. Та безупречная чистота, в которой изначально проповедовалось христианство в Римской империи, не давала поводов для каких бы то ни было кривотолков. Тем не менее, когда гонения на христиан стали организовываться именно так, как если бы те состояли в некоем тайном сговоре, против них стали выдвигаться такие же обвинения, какие ранее приписывали различным течениям гностической ереси. Например, в фиестовых пирах (выражение, обозначающее каннибализм, по имени героя древнегреческих мифов – Фиеста, Тиеста. – *Пер.*) и беспорядочных половых связях, что они сами же потом подтверждали, хотя и вряд ли правдиво. Там, где присутствует таинственность, всегда будут рождаться подозрительность и появляться обвинения, на которые невозможно пролить свет.

В античном мире существовало лишь одно тайное общество исключительно политической направленности – это пифагорейцы. Желаящие взглянуть на религиозные сообщества, вероятно, соберут весьма богатый урожай, особенно если вспомнить все то, что было написано в древние и нынешние времена по поводу наиболее известных мистерий. Однако первоначальные греческие таинства и обряды, такие как элевсинские мистерии, представляется, были не чем

иным, как публичными богослужениями, сопровождавшимися несколько необычными церемониями, которые проходили под надзором государства и на которых председательствовали члены городских советов. При этом участникам не раскрывались какие бы то ни было секреты и не передавались знания, выходящие за рамки общедоступных. Другие разновидности мистерий, в частности культы Орфея, Исаака, Митры, заимствованные с Востока, были всего лишь орудием в руках хитроумных самозванцев, активно наживавшихся на слабостях и доверчивости грешных и суеверных людей, убеждая их, что путем тайных необычных ритуалов и обращения с мольбами к неведомым божествам можно избежать грядущей расплаты за грехи. Ночные сборища для совершения этих культовых ритуалов слишком часто превращались в распутные оргии и вызывали неприятие у любых здравомыслящих правителей. Именно подобные, а не элевсинские мистерии подвергались строжайшему осуждению со стороны служителей церкви¹.

Сведения о Пифагоре и его учении крайне обрывочны. Дошедшие до нас высказывания этого мудреца были записаны лишь спустя много веков после его смерти, и не так уж много доверия заслуживает их содержание. Пифагор родился на острове Самос, расцвет его учения пришелся на VI век до Рождества Христова, те времена, когда Греция находилась под огромным влиянием Египта и ее мудрецы устрем-

¹ Подробнее об этом см. в «Аглаофамусе» Лобека.

лялись на берега Нила в поисках знаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в традициях Пифагора было посещать эту загадочную страну, а возможно, и страны Востока, что наложило отпечаток и на безмятежный взгляд на мир, в котором те, кто считается мудрым, управляют невежественными людьми. Исходя из этого, возможно, ему и пришла в голову идея слияния этой жреческой системы со строгими моральными нормами и аристократическим устройством греческих государств дорийцев. Поскольку, по его представлениям, родной остров, находившийся в то время во власти Поликрата Самойского, не очень подходил для внедрения новой системы правления, Пифагор обратил свой взор на города Великой Греции, нынешней Южной Италии, которые процветали в тот самый период и где жители стремились приобретать новые знания, а некоторые провинции уже располагали сводами законов. Его выбор пал на Кротон – один из богатейших и прославленных городов региона.

Аристократия олицетворяла всю систему политического устройства дорийцев, а все города Великой Греции были их колониями. Тем не менее в результате активных торговых отношений у населения была естественная тяга к демократической системе правления. Целью Пифагора было сохранение аристократических принципов, при этом он стремился к тому, чтобы принадлежность к аристократическому классу была не только тем, что дается при рождении, но, как и в жреческих кастах Востока, она означала бы и превосход-

ство в уровне просвещенности. Поскольку его система шла вразрез с тем, чем жило общество, Пифагор понимал, что внедрить ее он сможет лишь при всеобщем положительном к ней отношении. К тому же, обладая такими личными достоинствами, как прекрасное телосложение, достигнутое в результате постоянного выполнения специальных гимнастических упражнений, ораторское мастерство, гордая манера держаться, он вызывал к себе всеобщее расположение, еще больше привлекаемое мистическим налетом его учения. Тем самым он в итоге привил людям благосклонное отношение к своим идеям, а знать с рвением стремилась быть посвященной в его секреты.

Невероятный успех, как говорят, сопровождал этот проект философа. Произошло всеобщее изменение нравов в Кротоне, где общественное устройство стало почти спартанским. Управляла там группа из 300 аристократов, которые, согласно учению мудреца, уже при рождении были одарены высшими, по отношению к прочим людям, знаниями во всех областях. Знать из других полисов стекалась в Кротон, чтобы научиться, как управлять мудро. Посланники Пифагора направлялись во все концы, чтобы проповедовать новое политическое учение. Они прививали людям религиозные воззрения, покорность и смирение, те же из знати, кто считался достойным, приобщались к знанию системы в целом, им преподавались ее правила и принципы. Казалось, что золотой век гармоничного слияния власти, мудрости и добродетели.

тели воцарился на земле.

Однако как всему, что вступает в противоречие с духом времени, подобному политическому устройству не суждено было устоять. В то время как Кротон был основным местом сосредоточения пифагорейцев, богатство и роскошь в качестве своей резиденции избрали соседний город Сибарис. Эти города соперничали между собой: один из них должен был пасть. Прошло чуть больше 30 лет с момента прибытия Пифагора в Кротон, как ожесточенная война разгорелась между ними. Возглавляемые Милоном и другими пифагорейцами, которые в военных делах были не менее искусны, чем в философских, кротонцы свели на нет влияние своих соперников, и Сибарис пал, чтобы никогда вновь не подняться. Но вместе с ним рухнуло и влияние пифагорейцев. Они полагали нецелесообразным делиться богатыми трофеями с простыми людьми, в результате стало расти народное недовольство. Этим воспользовался Цилон, которому было отказано во вступлении в союз. Он подстегнул население к массовым расправам над пифагорейцами, демократическая система правления была установлена. Другие города последовали примеру Кротона, началось всеобщее преследование пифагорейства, сам Пифагор был вынужден спасаться бегством и умер вдали от города, который когда-то принял его как пророка. Пифагорейцы никогда после этого не пытались прийти к власти, став не более чем сектой философов-мистиков, выделявшихся причудливостью в еде и одежде.

Античные времена не предоставляют нам других сколь-нибудь значимых обществ, к которым можно было бы применить термин «тайное».

Различные секты гностиков, которые служители церкви обвиняли в ереси, в определенной мере являлись тайными обществами, поскольку они не распространяли свои учения в открытую и публично. Но сведения о них настолько скудны и безынтересны, что их изучение вряд ли привлечет внимание широкого круга читателей.

Настоящая книга посвящена истории трех выдающихся обществ, которые процветали в Средние века и полное подробное описание которых, насколько известно, в англоязычной литературе трудно найти. Речь идет о ближневосточных ассасинах, или исмаилитах, чье название во всех европейских языках стало синонимом «убийцы», которые действительно были тайным обществом и о которых мы имеем лишь самые смутные и неопределенные представления. Следующее общество – это рыцарский орден тамплиеров, с которыми расправились наиболее варварским образом именно под предлогом их приверженности тайному учению и в отношении которых новые обвинения были выдвинуты в наши дни. И наконец, тайные трибуналы Вестфалии в Германии, вся наша информация о которых до сих пор черпалась главным образом из ненадежных суждений писателей и поэтов².

² Пока данная книга готовилась к публикации, доктором Освальдом Чарльзом Вудом был издан перевод «Истории ассасинов» Хаммера.

На следующих страницах читатель найдет правдивую историю во всей ее простоте, лишенной волнительного романтизма, знания, а не одни лишь развлекательные истории, хотя, впрочем, последним тоже будет уделяться внимание в той степени, сколь это не противоречит истине и целям повествования.

Ассасины³

Глава 1

*Мир в VII веке. – Западная империя. –
Восточная империя. – Персия. – Аравия. –
Мухаммед. – Чем он мог руководствоваться. –
Особенности его вероучения. – Коран*

В начале VII века эры христианства государства большей части мира были готовы к тому, чтобы принять новые границы. В течение двух предшествовавших веков готы, вандалы, гунны и прочие воинственные племена германцев преуспели в снесении возникавших на их пути препятствий, завоевав и расчленив Западную Римскую империю. С собой они принесли и сохранили свободолобивый нрав и дух неустрашимого героизма, отказавшись при этом от своих древних диких суеверий и заложив порочную систему, которая позже

³ При написании главы об ассасинах использовались главным образом следующие источники: «История ассасинов» Хаммера и его же «Сокровища Востока», Extrait de l'Ouvrage de Mirkhond sur la Dynastie des Ismaelites M. Журдена и «История Персии» Малколма.

подорвала авторитет самого христианства. Эта система, еще больше закаленная идеями, привнесенными и трансформированными ее новыми приверженцами, которые стали превозносить положения Ветхого Завета, вписывавшиеся в их собственное мироощущение, впоследствии, слившись с феодализмом, породила дух, который погнал армии Западной Европы через горы и степи Азии на завоевание Святой земли.

Восточная Римская империя представляла в то время совсем другую картину. Она все еще сохраняла пределы, которые имела при Феодосии Флавии. Все страны от Дуная, через восточное и южное побережье Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива в той или иной степени проявляли повиновение перед наследниками Константина Великого. Но деспотизм в более разлагающем, хотя и менее безжалостном виде, чем в Азии, парализовал патриотические чувства подданных и их энергию. А острота, беспокойность и гибкость ума греков в сочетании с мистицизмом и безудержной фантазией азиатов преобразили простоту верования Христа в мятежную систему труднодоступной метафизики и великого идолопоклонничества, что вносило свою лепту в общеполитическую ситуацию, охлаждая воинственный запал населения. Различные провинции империи удерживались вместе крайне непрочными связями, было очевидно, что сильного потрясения будет достаточно для распада союза.

Горы Армении и воды Евфрата отделяли Восточную империю от Персии. Эта страна во времена, когда орлы Римской республики впервые появились у берегов Евфрата, находилась во власти народов, носивших имя парфян, и римские армии не раз терпели поражение, пытаясь вторгнуться в их пределы. Как любая власть, подданным которой не дарована свобода, правление Аршакидов (царская династия Парфии) со временем становилось все более немощным, и по прошествии почти пяти веков скипетр Аршака из ослабевшей руки последнего в династии монарха перешел к Ардаширу Папакану (то есть сыну Папака) – доблестному воину царской армии, притязавшему на принадлежность к древнему роду персидских монархов. Ардашир, чтобы осуществить переворот, обратил себе на пользу религиозные воззрения персов. Парфийские монархи были приверженцами греческого образа жизни и религии, а к огнепоклонничеству – традиционной вере в Персии – относились пренебрежительно. Ее жрецы были обделены вниманием членов царской семьи. Для Ардашира же она была источником гордости и частью политики по восстановлению авторитета древнего вероучения до уровня, каким оно обладало во времена наследников Кира Великого. Религиозные деятели в ответ предоставляли ему свою могущественную помощь в его планах придания монаршей семье былой силы и по вселению в души соотечественников любви к своей стране и жажды расширения персидских владений до прежних масштабов. На протяже-

нии 400 лет династия Сасанидов⁴ была самым грозным врагом Римской империи. В период, который здесь описывается, их владения почти достигли величайших размеров среди восточных династий. Хосров I Ануширван приобрел великую военную славу, был энергичным и справедливым правителем, что сделало его имя общеизвестным на всем Востоке. Хосров II Парвиз продемонстрировал такое величие, которое до сих пор является отдельной темой поэзии и литературы Персии, и пронес свое победоносное оружие сквозь Сирию и Египет и дальше по африканскому побережью, куда даже Дарий I не смог продвинуться. Поражение от доблестного императора Гераклиуса омрачило его последние дни, а на тринадцатый год после его смерти армия персов была обращена в бегство. Священная реликвия империи – украшенный драгоценными камнями и расшитый золотом фартук кузнеца Кавэ – попала в руки грабителей. Все это раскрыло тайну, и былая сила покинула Персию. Блистательность начала правления Хосрова II Парвеза была последней вспышкой перед гибелью, что случается не только с империями, но и с отдельными людьми. Ушло могущество, которое требовалось, чтобы сдерживать фанатичный натиск, уже готовый вырваться с аравийских просторов.

⁴ Сасаниды – название династии, основанной Ардаширом, по имени его предположительного предка Сасана, внука Хшаярша, весьма почитаемого в античной истории Персии героя. Хшаярша был сыном Гистаспа, который в греческой истории, как предполагается, был Дарием Гистаспом. Сэр Джон Малколм в своем исследовании считает Хшаяршу Ксерксом у греков.

Аравия гордится именно тем, что она никогда не была завоевана. Этот иммунитет к порабощению тем не менее был лишь частичным и обязан, главным образом, естественным свойствам этих земель. Бесплодные пески Неджда и Хиджаза всегда сводили на нет старания враждебных армий, но более привлекательный район Йемена – Счастливая Аравия, как его называли в древности, – не раз притягивал завоевателей и покорялся их власти. Население этой страны оставалось единым по крови и образу жизни с незапамятных времен. Храбрые, но не кровожадные, разбойники, но любезные и гостеприимные, с живым и проницательным умом – такими мы видим арабов со времен Авраама и до наших дней, занимающимися выпасом скота и кочующими по пустыням, выращивающими сельхозпродукцию в Йемене, торгующими на побережьях и на границе с Сирией и Египтом. Их зарубежные военные действия никогда не выходили за рамки грабительских набегов в две упомянутых страны, если не принимать во внимание гиксосов, или царей пастухов, как их еще называли, которые, согласно преданиям, однажды завоевали Египет. Аравия была своего рода миром в самой себе, ее многочисленные племена находились в бесконечной вражде друг с другом. Но было очевидно, что, если отважные и искусные всадники были бы объединены вождем и воодушевлены мотивами, вызвавшими прилив решимости и героические чувства, они стали бы силой, способной нанести сокрушительный удар империям Персии и Рима.

Если трезво взглянуть на мировую историю, невозможно не признать существование предрасполагающих факторов, которые определяют время и обстоятельства каждого события, которому суждено произвести серьезные изменения в людских делах. Действие этого всевластного провидения ощутимо в данном случае как нигде более. Арабам пришло время покинуть свои пески и начать движение к покорению мира, и родился человек, который должен был стать для них необходимой побуждающей силой.

Мухаммед (*Восхваляемый*⁵) был сыном Абд-Аллаха (*Слуга Божий*) из знатного арабского племени Курайш, которое было хранителем Каабы (дословно: «куб» – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе Запретной мечети в Мекке. – *Ред.*). Находящийся в ней Черный камень (предположительно метеорит; мусульманская святыня, камень прощения, по легенде, посланный Богом Адаму и Еве. Вмонтирован в восточный угол Каабы и заключен в серебряную оправу. Согласно преданию, Черный камень изначально был белым, но постепенно почернел, пропитавшись человеческими грехами. До сих пор является

⁵ Восточные собственные имена обычно все имеют определенное значение, при их первом упоминании будет даваться их перевод. Но поскольку не всегда возможно достоверно определить, как было написано арабской вязью восточное слово, которое встречается в римских письменах, в некоторых случаях имена будут оставаться непереуведенными, а в других случаях будут предприниматься попытки предоставить гипотетические разъяснения. В последнем случае к ним следует относиться с долей сомнения.

предметом паломничества мусульман для поцелуя. — *Ред.*) на протяжении многих веков был предметом религиозного поклонения аравийских племен. Мать Мухаммеда Амина была дочерью вождя знатного рода. Мухаммед рано остался сиротой со скудным наследством, состоявшим из пяти верблюдов и рабыни-эфиопки. Его воспитанием занимался дядя Абу Талиб. В ранние годы юный Мухаммед постоянно сопровождал своего дядю на базар в Бозре, на границе с Сирией, а на восемнадцатом году жизни продемонстрировал свою отвагу в столкновении между Курайшем и враждебным племенем. В возрасте 25 лет поступил на службу к богатой вдове Хадидже, товары которой он возил на одну из крупнейших ярмарок Сирии. Несмотря на бедность, Мухаммед был благороден, красив, силен и храбр. Хадиджа, которая была на 15 лет старше, страстно полюбила его. Ее чувства встретили взаимность. Ее рука и богатство принесли племяннику Абу Талиба достаток и почет.

По всей видимости, изначально Мухаммед отличался целенаправленностью, и нельзя исключать, что великая истина единобожия была навеяна ему матерью либо еврейской родней. Курайшиты и прочие его соотечественники поклонялись идолам; христианское вероучение было искажено примесью множества суеверий; огнепоклонничество персов являлось поклонением Божеству в материальной форме; вера в учение Моисея была подорвана мечтами и нелепыми наставлениями раввинов. Людям, похоже, требовалось нечто

более простое. К тому же существовала уверенность, что Бог время от времени посылает в мир для его реформирования пророков и может сделать это вновь. Евреи все еще ждали обещанного мессию, многие христиане полагали, что с небес еще должен сойти Параклит. Кто возьмет смелость утверждать, что Мухаммед не убедил себя, что его удел – это служение Господу и Божественным предначинанием ему суждено быть проповедником более чистого вероучения, чем все те, которые он видел? Кто скажет, что, ежегодно уединяясь на 15 дней в пещере на горе Хира, он в экстазе не впадал в галлюцинации и что в одном из таких снов наяву архангел Гавриил не снизошел к нему в его болезненном воображении, чтобы назначить его пророком Божиим и преподнести видимый образ той части будущего свода законов, которая, возможно, уже созрела в его голове раньше?⁶ Определенная доля самообмана всегда является составной частью успешного мошенничества. Любой жулик, и так всегда было,

⁶ Поэма «Кубла-Хан» – прекрасный пример подобной силы воображения, когда ум поглощен созерцанием материальных объектов. Читатель, возможно, вспомнит знак свыше, посланный лорду Герберту Чербери, когда он сомневался, опубликовать или нет свой труд «Об истине». Автор сам недавно слышал историю об одной гадалке, которой, когда она прилегла на софе, почудился голос из ниоткуда, известивший ее о том, что она избрана в качестве инструмента в руках Господа для осуществления великой работы. А в качестве знака ей указывалось, что через определенное количество месяцев она уже не сможет встать с софы, на которой сейчас лежит. Сила воображения настолько велика, что это сообщение, которое могло бы стать знаком, действительно реализовалось. Она сама убедила себя, что потеряла силы двигаться и в результате на самом деле лишилась их.

свой первый эксперимент ставит над собой. Уместно предположить, что первоначально Мухаммед не имел иной цели, кроме распространения истины путем убеждения, и, скорее всего, он ввел в заблуждение лишь самого себя, уверовав, что является избранным свыше для этой цели. Все же не стоит избегать и другой, возможно, более правдивой версии, а именно: что, по мнению Мухаммеда, равно как и многих других, цель оправдывала средства, и он считал позволительным придумать Божественные явления и наставления, чтобы заставить людей прислушаться к истине.

Какими бы изначально ни были идеи и планы Мухаммеда, он ждал, пока ему исполнится 40 лет (возраст, в котором Моисей впервые появился перед израильянами), и тогда раскрыл свое Божественное предназначение жене Хадидже, рабу Зеиду, двоюродному брату Али, сыну Абу Талиба, и своему другу, добропорядочному и богатому Абу Бекру. Трудно себе представить какой-либо мотив, кроме убежденности, завладевшей умами этих разных людей, которые сразу признали его притязания на роль пророка. Безупречность предыдущей жизни нового пророка сыграла немалую роль в том, что ему удалось заставить поверить в свое предназначение тех, кто был наиболее близко с ним знаком. Как гласит мудрость, не славен пророк в отечестве своем и среди ближних своих, и пример Мухаммеда подтверждает истинность этого утверждения. В течение тринадцати лет новая религия развивалась в Мекке с трудом и болезненно. Насе-

ление же Ясриба, города, который впоследствии стал почитаться как «Город пророка» (*Medinat-en-Nabi*), оказалось более восприимчивым к новой вере. После смерти Абу Талиба, который хоть и не разделял убеждений своего племянника, но оберегал его, Мухаммед переселяется в Ясриб (событие, почитаемое как хиджра – паломничество), население которого с оружием в руках встает на защиту его от курайшитов. Возможно, именно в этот момент перед пророком открылись новые взгляды на мир. Принц Ясриба надеялся расширить свою власть над неблагодарной Меккой, а тем, кто насмехался над его доводами и убеждениями, можно было бы преподать урок мечом. Эти посылы оказались верными и менее чем через десять лет после битвы при Бадре (первая битва Мухаммеда), когда он добился того, что его светская власть и пророческая роль были признаны по всему Аравийскому полуострову.

Очень часто случается, что, когда человечеству предлагается принять новую форму религиозного учения, оно превосходит по чистоте то, которое должно заменить. Арабы времен Мухаммеда были идолопоклонниками. Количество идолов, которым следовало поклоняться у Каабы, как говорят, равнялось тремстам. Среди арабов было широко распространено распутство, полигамия не знала пределов⁷. Все

⁷ В «Истории Персии» Дж. Малколма приводится диалог между персидским правителем Йездиджирдом и арабским посланником, который говорит: «Все, что ты сказал мне о том, как раньше жили арабы, – это правда. Их едою были зеленые ящерицы; новорожденных девочек они хоронили заживо; более того, некоторые

это пророк заменил поклонением единому Богу и поставил под контроль плотские пристрастия своих соотечественников. Его религия содержала описание того, какими будут награды и наказания в будущем, чем он завлекал, чтобы внушить послушание, и запугивал против неповиновения и противостояния. Страдания ада, которыми он грозил, были наиболее устрашающими для всего тела и отдельных его органов; радостями рая были зеленеющие луга, раскидистые деревья, журчащие ручьи, легкое дуновение ветра, изысканные вина в золотых и серебряных кубках, роскошные жилища и пышные диваны. Мелодии распеваемых ангелами песен должны были ублажать души благословленных. Черноокые хурии должны были стать вечно цветущими невестами верных слуг Всевышнего. Но, хотя чувственное блаженство являлось главной наградой, поборников этой веры учили: чтобы заслужить ее, необходимо самоотречение на земле, и строго следили за тем, чтобы «правоверный мусульманин проявлял в своем характере больше черт стойков, чем эпикурейцев»⁸. И поскольку пророк уже твердо решил, что меч непременно будет задействован для распространения исти-

с наслаждением поедали мясо трупов и пили кровь, а прочие изничтожали своих родственников и тем самым полагали себя могучими и доблестными, если подобным деянием они приобретали больше богатств. Облачены они были в одежды из волосяных тканей, не отличали добра от зла, а также не ведали, что является законным, а что противозаконным. Таково было положение вещей у нас. Но по милости Божьей, через святого пророка нам было ниспослано Священное Писание, которое учит нас истинной вере».

⁸ *Халлам. Средние века.*

ны, наивысшая степень будущего блаженства, как было заявлено, была уделом мучеников, то есть тех, кто пал в святых войнах за распространение веры. «Рай, – говорил пророк, – находится в тени мечей». В Судный день раны павших воинов засверкают ярко-алым цветом и заблагоухают мускусом, а крылья ангелов заменят утраченные конечности. Религия Мухаммеда получила название ислам (*смирение*), его последователи стали называться мусульмане (*moslems* – у арабов и *mussulmans* – у персов). В их вере было пять догматов: вера в Бога, в его ангелов, в его пророка, в Судный день и в предназначение судьбы. Благочестивых обязанностей было также пять: духовное очищение, молитва, пост, подаяние и паломничество в Мекку. Различные обряды и ритуалы, которые прежде соблюдались арабами, были сохранены пророком либо из уважения к религиозным пристрастиям своих последователей, либо потому, что он не хотел или не мог освободиться от почтительного отношения к обычаям, в которых он сам был взращен с младенчества.

Так в самых общих чертах выглядит та религия, которой Мухаммед заменил аравийское идолопоклонничество. Оригинального в ней было мало. Все ее детальные описания загробной жизни были заимствованы из иудаизма или от магической системы Персии. Содержащая их книга, названная Кораном (*чтение*), составлялась на протяжении многих лет из разрозненных отрывков *неграмотным* (выделено автором. – *Пер.*) пророком и записывалась с его слов книжни-

ками. По его собственным рассказам, каждая сура, или откровение, была преподнесена ему с небес архангелом Гавриилом. Они почитаются всем мусульманским Востоком и большинством европейских востоковедов как шедевр арабской литературы. И если уделить должное внимание разнице в образе жизни и в пристрастиях европейцев и арабов, а также учесть, что рифма⁹ в прозе для первых нестерпима, а последним может доставлять огромное удовольствие, то можно признать, что щедро воздаваемая этому произведению хвала не является незаслуженной. И хотя большую часть книги занимают нудные, зачастую наивные легенды, а также долгие, утомительные общественные наставления, она пронизана возвышенной силой горячего почитания и смиренной покорности перед волею Бога, что вполне достойно священных провидцев Израиля. Доктрина единого Бога, словно жила чистейшего золота, проходит через все части книги, придавая ей достоинство. Нельзя ли рискнуть предположить, что христианство выиграло от жульничества Мухаммеда и что четкое, открытое вероисповедание Божественного Единства их мусульманскими недругами спасло христиан Темных веков от удушения под массой суеверий и вранья, которые столь сильно извратили и деформировали величественную простоту Евангелия? Разумеется, никому в голо-

⁹ Ветхий Завет, как следует из поэтических частей Священного Писания, вызывает такое же восхищение звучанием рифмы, что и арабский текст. Например, у Исайи в оригинале.

ву не придет сравнивать сына Абд-Аллаха с Сыном Божиим, ставить тьму рядом со светом. Но мы вполне можем допустить, что он был орудием в руках Всевышнего, и признать, что принятие им на себя роли пророка повлекло за собой как положительные, так и вредоносные последствия.

Мусульманская религия настолько тесно связана с историей, законами, образом жизни и мировоззрением той части Востока, о которой здесь пишется, что без этого краткого экскурса в истоки ее происхождения и особенностей было не обойтись.

Глава 2

Происхождение халифата. – Первые халифы. – Пределы Арабской империи. – Раскол среди мусульман. – Сунниты и шииты. – Секты шиитов. – Кайсаниты. – Зейдиты. – Гуллаты. – Имамы. – Секты имамитов. – Особенности их политической системы. – Карматы. – Происхождение халифов Фатимидов. – Тайное общество в Кауре. – Преподаваемое там учение. – Его упадок

Мухаммед объединял гражданские и церковные властные полномочия. В качестве эмира (*принца*) он вершил правосудие и вел своих последователей в битву; как имам (*духовник*) он каждую пятницу (*шабат – день отдохновения у мусульман*) проповедовал принципы и священные обязанности своей религии. И хотя у него было множество жен, на момент, когда пророк начал ощущать приближение смерти, у него не было ни одного выжившего сына. Его дочь Фатима, однако, была замужем за своим двоюродным дядей Али, который был одним из первых и наиболее преданных учеников пророка. Ожидалось, что угасающий глас Мухамме-

да наречет брата халифом (*наследником*) перед лицом приверженцев своей веры. Но Аиша – дочь Абу Бекра, юная и наиболее любимая жена Мухаммеда – была крайне враждебно настроена в отношении сына Али Абу Талиба, и, вероятно, мстительная женщина использовала все свое влияние на умирающего пророка. Также возможно, что Мухаммед, как и Александр, ошеломленный объемом власти, которую он приобрел, и осознавая, что лишь мощь сопоставимой с ним самим личности будет способна сохранить и приумножить ее, и, возможно, считая, что он отвечает перед Богом за выбор, который должен сделать, решил оставить решение этого вопроса последователям как самый безопасный вариант. То, что за несколько дней до своей смерти Мухаммед уполномочил Абу Бекра совершить богослужение вместо себя самого, может указывать на планы передачи халифата ему. Тем не менее он однажды заявил, что сила характера, проявленная его выдающимся последователем Умаром, ясно показывает наличие у того достоинств пророка и халифа. Предания не оставили свидетельств столь же ясных высказываний относительно мягкого и добродетельного Али.

Как бы то ни было, пророк ушел, не оставив преемника, и при выборе того, кому передать полномочия, чуть не возник разлад среди его сторонников, когда Умар, отказавшись от притязаний, отдал свой голос в пользу Абу Бекра. В результате вся оппозиция утихомирилась, и отец Аиши в течение двух лет властвовал над правоверными. Вначале Али не

захотел подчиниться, но в конце концов принял наследника пророка. Умирая, Абу Бекр завещал верховную власть Умару как самому достойному, а когда двенадцать лет спустя тот погиб от кинжала убийцы, освободившийся высокий сан шестью голосами был дарован Усмани, являвшемуся до этого секретарем пророка. Ослабивший влияние Усмана возраст подорвал авторитет его правления, и над всей Аравией стал преобладать дух раздора, что стало наглядной иллюстрацией к словам пророка о том, что энергичность является ключевым качеством для халифа. Бесчисленная масса бунтовщиков осадила престарелого Усмана в Медине, и он, держащий Коран в своих руках, был убит бандой мародеров во главе с братом Аиши, пламенным поборником ислама, который, вполне возможно, втайне и был зачинщиком беспорядков.

Теперь выбор народа пал на Али, однако непримиримая Аиша подговорила двух влиятельных арабских лидеров, Телху и Зобейру, восстать против его власти и поднять боевые флаги в арабской провинции Ирак. Аиша, верхом на верблюде, появилась в решающий момент битвы, в которой вожди восставших потерпели поражение и погибли. Великодушный Али отправил ее к могиле пророка, вблизи которой она безмятежно и провела остаток своих дней. Самому халифу повезло гораздо меньше. Муавия – наместник Сирии и сын Абу Софияна, самый яростный из противников пророка, – решил, что должен отомстить за Усмана, в чьей смерти он обвинил Али и его сторонников. Объявив самого се-

бя истинным халифом, он поднял Сирию с оружием против зятя пророка. В последовавшей за этим войне успех был на стороне Али до тех пор, пока религиозные предрассудки его войск не вынудили его пойти на заключение мирового соглашения. А вскоре после этого он был убит фанатиком в мечети Куфы. Его сын Хасан под угрозами Муавии отказался от своих притязаний и удалился в Медину. Однако его более горячий брат Хусейн с оружием в руках пошел против халифа Язида – сына Муавии. Изложение подробностей его гибели является одним из наиболее душераздирающих и широко освещенным эпизодом восточной истории¹⁰. Сестры и дети Хусейна были спасены милосердием победоносного Язида, и от них происходят многочисленные родовые линии, гордящиеся своими истоками из крови Али и самого пророка.

Арабская империя к этому времени имела внушительные размеры. Египет, Сирия и Персия были завоеваны в царствование Умара. При первых халифах династии Омейядов (названа по имени прадеда Муавия Омейя) удалось завоевать Африку с Испанией, и последние представители этой династии управляли самой обширной империей в мире.

Великий раскол в мусульманской церкви (здесь уместно использовать этот термин, поскольку он единственно доступный в нашем языке. Термин «великий раскол» (Great Schism) в английском языке обозначает раскол на Восточную и Западную церковь, начавшийся в 1054 году и завер-

¹⁰ Подробнее в «Истории сарацин» Оксли.

шившийся в 1472 году. – *Пер.*) начался с приходом рода Омейя. Мусульмане с того времени и по наши дни разделены на две основные секты: суннитов и шиитов – правоверных и раскольников, как можно было бы их назвать, чьи противоположные доктрины, как, например, в католической и протестантской церквях, формируют религиозные убеждения целых самостоятельных наций. Оттоманские и узбекские турки привержены суннитскому направлению. Персы – ярые шииты. Межнациональная и межрелигиозная вражда способствовала тому, чтобы сделать их убежденными и закоренелыми противниками друг друга.

Сунниты считают, что первые четыре халифа были законными наследниками пророка, но поскольку их место среди высшего духовенства определялось степенью святости, то на самую низшую ступень они ставят Али. Шииты же, напротив, убеждены, что сан пророка по справедливости был унаследован сыном его дяди и мужем его дочери. Поэтому они считают Абу Бекра, Умара и Усмана узурпаторами, проклинают и поносят воспоминания о них, в особенности о жестоком Умаре, убийцу которого они почитают как святого. При обсуждении всего, что касается мусульманской религии, необходимо постоянно держать в уме, что Мухаммед и его преемники преуспели в том, чего безрезультатно пытался добиться дальновидный и емкий ум Григория VII, – объединить в одном лице гражданскую и церковную власть. В отличие от раскола восточной и западной, католической и

протестантской церковью, который проистекал из разницы во взглядах на вопросы богослужения или на существо религиозной доктрины, в мусульманстве он возник исключительно из-за амбиций и борьбы за светскую власть. Верховная власть в величайшей империи мира была наградой той стороне, которая могла через свое право овладевать умами заполучить самое большое количество верующих людей и восходить на подмостки пророка Божьего. Позже, когда арабы познакомились с учениями греков и персов, появились теологические и метафизические нюансы и отличия, два главных религиозных направления породили многочисленные сектантские ответвления. Сунниты раздробились на четыре главные секты, каждая из которых тем не менее считается ортодоксальной, поскольку они сходятся во взглядах по основным моментам, но отличаются по второстепенным. Разделение шиитов также произошло на четыре секты, точкой соприкосновения которых является признание права Али и его потомков на имамат – занятие высшего церковного поста. Расхождение во мнениях идет относительно характера доказательств, подтверждающих его права и по вопросу порядка наследования между его потомками. Эти четыре направления и взгляды их последователей выглядят следующим образом:

1. Кайсаниты, которые придерживались мнения о праве семьи Али на имамат, образовали первое и наиболее безопасное из всех течений. Они были названы так по имени

одного из руководителей восстания Кайсана. Разделенные, в свою очередь, на еще несколько сект, кайсаниты полагают, что права Али были унаследованы не Хасаном, или Хусейном, а их братом Мухаммедом ибн-Ханафии. Одна из этих сект отстаивает мнение, что имаamat должен остаться закрепленным¹¹ именно за Мухаммедом, который никогда не умирал, а время от времени являлся на Землю под разными именами. Другая секта, называемая хашимиты, полагает, что имаamat от Мухаммеда ибн-Ханафии унаследовал его сын Абу Хашим, который потом передал его Мухаммеду из рода Аббасов, от которого тот перешел Саффаху – основателю Аббасидской династии халифов¹². Очевидно, что целью этого направления было приукрасить притязания рода Аббасов, которые заклеямили Омейядов как узурпаторов и настаивали, что халифат по праву принадлежал им. Абу Муслим – выдающийся полководец, который первым присягнул семье Аббасов, был убежденным, а может, и мнимым сторонником догмата этой секты, единственного, кстати, направления в

¹¹ Поэтому они были названы «вечные» (*вакфийя*).

¹² Аббас – прародитель этой династии – был дядей пророка. Он получил халифат в свое владение в 750 г. И, передавая власть по наследству от принца к принцу, его наследники сохраняли ее в течение 500 лет. Аль-Мансур – второй халиф этой династии – переместил королевскую резиденцию из Дамаска, где жили Омейяды, в Багдад, который он основал на берегах Тигра. Этот город, который также называли Городом мира, Долиной мира, Домом мира, помимо того, на что может претендовать любой город, приобрел определенную романтическую известность благодаря непревзойденной «Тысяче и одной ночи». Такова великая облагораживающая сила гения.

шиизме, поддерживавшего род Аббасов.

2. Приверженцы второго ответвления шиизма получили название зейдиты. По их мнению, имамат перешел от Хасана и Хусейна к Зейну аль-Абидину, сыну последнего, после чего к Зейду (отсюда и название), сыну Зейна, в то время как большинство других шиитов считают Мухаммеда аль-Бакира, брата Зейда, легитимным имамом. Зейдиты отличаются от остальных шиитов тем, что признают трех первых халифов законными преемниками пророка. Идри, который вырвал у абасидских халифов часть Африки и основал королевство Фез, был или выдавал себя за потомка Зейда.

3. Гуллаты (крайние) названы так по причине чрезвычайно необычной доктрины, выходящей за рамки здравого смысла. В результате к ней с одинаковым отвращением относятся и остальные шииты, и сунниты. Утверждается, что данная секта существовала уже во времена Али, который сжег некоторых из них на костре за их нечестивые и сумасбродные взгляды. Так, гуллаты убеждены, что был только один имам, и приписывают Али Божественные качества. Некоторые утверждали, что в нем были две сущности (Божественная и человеческая), другие – что только одна человеческая. Также они заявляли, что эта истинная сущность Али путем переселения души переходила к его потомкам, и так будет продолжаться до скончания веков. Другие считали, что переселение души остановилось на Мухаммеде аль-Бакире, сыне Зейна аль-Абидина, который все еще пребывает на Земле, но

невидимо, как Хизир – хранитель Колодца жизни, согласно красивой восточной легенде¹³. Прочие, еще более дерзкие, отрицали переселение души и заявляли, что божественный Али воцарился на троне в небесах, где гром – это голос, а молнии – бич, которыми он наводит ужас и карает грешников. Эта секта представляет собой первый (хотя и очень ранний) пример внесения того мистицизма в ислам, который, похоже, берет свои начала в мифических дебрях Индии. Как политическая партия гуллаты не запрещались.

4. Это направление не имеет отношения к имамам – наиболее опасным врагам рода Аббаса. Соглашаясь с гулла-тами в теории «невидимого» имама, они утверждали, что был еще ряд «видимых» имамов, предшествовавших ему, но исчезнувших. Одно из ответвлений этой секты (себии-

¹³ Хизир, как предполагают, но возможно, ошибочно, являясь пророком Илиасом, почитается мусульманами за необычайно щедрую благодетельность. Он – даритель молодости в животном и растительном мире. Он облачен в одеяния самых ярких зеленых тонов и стоит на страже Колодца жизни в Стране тьмы. Согласно былинам Востока, Искандер, то есть Александр Великий, решил отправиться на Запад в Страну тьмы, чтобы испить воды, дающей бессмертие. В течение семи дней он и его спутники продвигались через мрачные и зловещие пустыни. Наконец, они еле-еле различили вдали зеленый свет, который излучала одежда Хизира. По мере того как они приближались, сияние становилось все более и более ослепительным, как самые яркие и чистейшие изумруды. Когда монарх подошел, Хизир опустил чашу в зеленоватую живую воду и протянул ее Искандеру. Однако нетерпение того было столь велико, что он расплескал содержимое чаши, закон же судьбы не позволял стражу источника наполнять ее повторно. Мораль этой истории очевидна. Эта история основывается на историческом факте – путешествии македонцев к храму Амона.

ны, «семерные») закрывало список Исмаилом, внуком Мухаммеда аль-Бакира, седьмым имамом, если считать Али как первого. Эту секту также стали называть исмаилиты, от Исмаила. Другое течение, называвшееся имамиты, продолжало счет от Исмаила через его брата Мусу аль-Казима до Аскери, двенадцатого имама. Поэтому их стали называть двенадцатниками (*иснааширин*). Они верили, что имам Аскери исчез в пещере Хиллы на берегах Евфрата, где он будет незримо пребывать до конца света, когда снова явится мессией (*махди*), чтобы привести человечество к истине. Имамиты, независимо от того, на каком количестве «видимых» имамов они останавливались, понимали, что в политических целях им было необходимо признавать неких имамов-временщиков. Но если зейдиты, которые сходились с ними по этому пункту, требовали, чтобы эти правители обладали такими королевскими добродетелями, как мужество, щедрость, справедливость, мудрость, имамиты заявляли, что их вполне удовлетворит, если те будут обладать всего лишь качествами праведных: регулярно молиться, соблюдать пост, раздавать подаяния. Таким образом, ловкие и амбициозные люди могли посадить любую куклу, которая могла быть объявлена потомком последнего из видимых имамов и возвыситься до управления всем мусульманским миром его именем.

Двенадцатники очень близко подошли к тому, чтобы овладеть халифатом в период первых Аббасидов. Так, прославленный сын Харуна ар-Рашида аль-Мамун, восьмой ха-

лиф этой династии, либо под влиянием силы и могущества, которые приобрела партия шиитов, либо, как заявляют историки-востоковеды, под действием уговоров его визиря, восьмого имама Али Ризы, который был шиитом-имамитом, приблизился к тому, чтобы сделать Ризу своим преемником на троне. Он даже снял черные одеяния, принятые в его семье, и стал носить зеленое – цвет Али и пророка. Однако род Аббасов, который насчитывал уже 30 тысяч человек, не согласился с подобным отречением от прав своей династии. Подняв оружие, они объявили халифом дядю аль-Мамуна Ибрагима. Зловредный визирь погиб, и его очень своевременная смерть (по слухам, от яда) спасла сына Харуна ар-Рашида от унижения. Али Риза был предан земле в Мишеде в провинции Хорасан, и его могила до наших дней является местом паломничества верующих персов¹⁴.

Исмаилиты были более успешными в своих попытках заполучить церковную власть, и, как мы теперь видим, значительная часть их владений была отвоевана у рода Аббасидов.

Во все века и во всех частях света религия становилась прикрытием для амбиций, чему очень способствует ее мощное воздействие на невежественные умы. Но политическое влияние религии среди умеренных и рассудительных народов Европы незначительно по сравнению с ее властью над более пылкими и впечатлительными уроженцами Азии. Благодаря этому деспотизм на Востоке никогда не отличался спо-

¹⁴ Подробнее у Фрейзера в «Хорасане».

койным безмятежным характером, как мы могли бы предположить. Не говоря о кровопролитных войнах и массовых расправах, которые происходили под религиозными предлогами в странах от Японии до Индии, мусульманский Восток постоянно, практически без передышек был театром жесточайших драм, в которых амбиции, маскируясь религиозными убеждениями, боролись за империю. И даже в середине XIX века можно было видеть, в случае с ваххабитами, дерзкую, хотя и безрезультатную, попытку фанатиков разжечь революцию в одной из частей Османской империи. Именно это слияние религии и политики посадило семейство Суффавии на трон в Персии в XV веке; то же самое в существенно более ранний период утвердило власть фатимидских халифов в Египте. То, как протекало данное событие, описано историками-востоковедами¹⁵.

Оказанное просвещенным аль-Мамуном содействие развитию литературы и науки расширило интерес к размышлениям и исследованиям до такого уровня, какой до этого времени не был известен в империи арабов. Мозаичные вкрапления философии греков теперь соприкоснулись с возвышенной, хотя и искаженной теологией персов, а мистицизм Индии незаметно примешался к общему потоку знаний. Пожалуй, не стоит верить утверждению арабских историков, что это был тайный и намеренный план персов по подрыву и разложению религиозной идеологии нравов с це-

¹⁵ Лари и Макризи, процитированные Хаммером.

лью ослабления империи тех, кто превзошел их на поле боя. Тем не менее не сложно заметить, что как трансформация Моисеева вероучения в иудаизм уходила корнями в Персию и эта самая страна распространяла нелепые воззрения, которые исказили простоту Священного Писания, так и истоки большинства сект, которые расцвели в исламе, точно так же можно найти именно в Персии. Не разделяя мнения тех, кто приписывает происхождение всех знаний Индии, можно считать вполне вероятным, что замысловатые метафизика и мистицизм этой страны стали причиной разложения различных религий, которые были распространены в Индостане. По крайней мере, можно заметить, что северо-восток Персии, наиболее близкая к Индии часть страны, был местом, в котором появлялись многие из самозванцев, заявлявших о своем общении с Всевышним. Именно здесь Мани (*Манис*), лидер манихейцев, демонстрировал свое искусство, и именно в Хорасане (*Страна Сунн*) Хаким, который выдавал себя за земное воплощение Всевышнего, поднял революционные флаги против дома Аббасов. И как бы это ни выглядело, но, изучая ранние века истории ислама, можно заметить, что все восстания, сотрясавшие империю халифов, произрастали из слияния притязаний рода Али с текущими философскими доктринами Персии.

Утверждается, что в IX веке от Рождества Христова Абдалла, человек персидского происхождения, проживавший в Ахвазе, на юге Персии, задумал план низвержения империи

халифов путем тайного внедрения в ислам атеизма и неверия. Дабы не потрясать давно устоявшуюся и глубокую приверженность к традиционной религии и власти, он решил распространять свою доктрину постепенно и остановился на мистической цифре 7, как том количестве уровней, через которые должны пройти его последователи до получения великого откровения о ничтожности всех религий и тщетности всех деяний. Политическим прикрытием его учения было признание притязаний потомков Мухаммеда, сына Исмаила, на имамат, и его проповедники (дейзы) были активно приобщены к работе по привлечению новых сторонников по всему халифату. Позже Абдалла переселился в Сирию, где и умер. Его сын и внуки продолжили реализацию этого плана, и при них появился неофит, который быстро заставил всю систему активно работать¹⁶.

Звали этого человека Кармат, он был уроженцем Куфы, по его имени членов секты называли карматы. Он внес существенные изменения в первоначальную систему Абдаллы, и, поскольку секта стала уже многочисленной и влиятельной, Кармат решил рискнуть опробовать притязания потомков Исмаила силою меча. Он придерживался мнения, что неотъемлемые права на властвование на Земле находятся у, как он охарактеризовал, имама Маасума (*незапятнанный*),

¹⁶ Макризи является главным авторитетом Хаммера относительно более ранних сведений об Абдалле. Стоит обратить внимание на то, что Абдалла остался незамеченным у Хербелота.

своего рода идеала образцового правителя, так же как мудрец у стоиков. Соответственно все правящие владыки были узурпаторами ввиду своих пороков и несовершенства. Воины же идеального владыки должны были низвергнуть всех их без разбора с их тронов. Кармат также учил своих сторонников понимать заповеди и предписания ислама в переносном смысле. Молитва символизировала повиновение имаму Маасуму, подаяние означало уплату причитающейся ему десятины (тем самым пополнялись средства общины), соблюдение поста – сохранение в тайне политических сведений об имаме и его деятельности. Внимание следовало уделять не прямому смыслу слов Корана (*тенсил*), а только их толкованию (*тоуил*). Как сторонники Моканны и другие оппоненты рода Аббасов, последователи Кармата выделяли себя, надевая белые одежды, чтобы подчеркнуть свою враждебность правящим халифам, чьи одеяния и штандарты продолжали содержать черный цвет, который они противопоставляли белым флагам рода Омийя. Кровопрлитная война между сторонниками Кармата и войсками халифов периодически возобновлялась в течение всего столетия с переменным успехом. В ходе этой войны священный город Мекка был взят сектантами (как это случилось позже с ваххабитами) после того, как, обороняя его, пали 30 тысяч мусульман. Знаменитый Черный камень был с триумфом перевезен в Хайяр, где и пребывал в течение 22 лет, пока не был выкуплен за 50 тысяч дукатов иракским эмиром и возвращен на свое пер-

воначальное место. В итоге, как и многие предшественники карматов, они все-таки были подавлены мощной силой империи, а их имя, но не идеи, было стерто из памяти.

В период соперничества между династией Аббасидов и карматами проповедник последних Абдалла умудрился освободить, возможно, и мнимого потомка Фатимы по имени Обейд-Аллах¹⁷ из тюрьмы, в которую того заключил халиф Мотадхад, а потом отправил освобожденного в Африку и, объявив его обещанным мехди (*мессией*), сумел обеспечить ему владения на северном побережье континента. Свою «благодарность» Обейд-Аллах выразил тем, что отправил на смерть того, кому был обязан приходом к власти. Тем не менее талант и отвага вполне могут существовать без благородства, и Обейд-Аллах со своими двумя потомками расширил свою власть до берегов Атлантики. Моиз-ладин-Аллах, его внук, завоевав Египет и Сирию, благоразумно покинул свои прежние отдаленные владения вдоль средиземноморского побережья и обратил свой взор на более богатую азиатскую империю Аббасидов. Эта династия фатимидских халифов, как они назывались, правила в течение двух столетий в Каире на берегах Нила и находилась во враждебных и сопернических отношениях с теми, кто правил в Багдаде на Тигре. Как любая другая восточная династия, они посте-

¹⁷ Истинное происхождение Обейд-Аллаха стало предметом отчаянных споров среди историков и юристов-востоковедов. Те, кто отстаивали интересы династии Аббасидов, напрягали все свои силы, чтобы выставить его самозванцем.

пенно обессиливали, и в итоге их трон занял прославленный курд Саладин.

Обейд-Аллах вел свою родословную от Исмаила, седьмого имама. Его род поэтому искал поддержки всей секты «семерных», или исмаилитов, в планах по распространению своей власти на весь мусульманский мир. И очевидно, что их интересам отвечало увеличение численности и влияния этой секты настолько, насколько это возможно. Поэтому будет оправданным положительно отнестись к уверениям восточных историков, что в Каире существовала тайная организация, во главе которой стоял один из фатимидских халифов и целью которой являлось распространение учения секты исмаилитов, хотя правдивость отдельных деталей можно поставить и под сомнение.

В это общество, как утверждается, входили как мужчины, так и женщины, которые собирались в отдельных помещениях; и представления о том, что женщины не играли особой роли на Востоке, являются ошибочными. Председательствовал в нем главный проповедник (*дай-аль-доат*)¹⁸, который всегда был лицом, занимавшим важный пост в государстве, и нередко был верховным судьей (*кадхи-аль-кадхис*). Их собрания, называвшиеся «Общества мудрости» (*Мейджалис-аль-хикмет*), проводились дважды в неделю, по понедельникам и средам. Все члены приходили одетыми в белое. Председатель, дождавшись халифа, сначала читал

¹⁸ Проповедник проповедников.

ему намеченную на этот день лекцию либо, если это было невозможно, получал его подпись на обратной стороне текста, после чего проходил к собравшимся и зачитывал обращение. В завершение этого присутствующие целовали его руку и благоговейно прикасались своим лбом к подписи халифа. В таком виде общество просуществовало вплоть до правления невероятного безумца халифа Хакима-би-имриллаха (*судья по воле Божьей*), который принял решение поставить его на широкую ногу. Он возвел для него роскошное величественное здание, получившее название Дом мудрости (*дар-аль-хикмет*), щедро наполнив его книгами и математическими инструментами. Его двери были открыты для всех, а бумага, письменные принадлежности, чернила в изобилии предоставлялись тем, кто становились его завсегдатаями. Профессора в области права, математики, логики и медицины были назначены для преподавания. А на ученых диспутах, которые зачастую проводились в присутствии халифа, эти профессора появлялись в своих парадных одеяниях (*кхалаа*), которые, как утверждается, точь-в-точь повторяли мантии в английских университетах. Средства, выделенные этому учреждению необычайной щедростью халифа из доходов от получаемых короной десятин, составляли 257 тысяч дукатов в год.

Курс обучения в этом университете продолжался, согласно Макризи, в течение 9 следующих ступеней. 1. Первой целью, достижение которой было длительным и утомительным,

являлось вселить сомнения и противоречия в ум претендента и заставить его со слепой уверенностью положиться на знания и мудрость учителя. Для этого он сбивался с толку придиричвыми вопросами; старательно отмечалась абсурдность Корана и несовместимость его со здравым смыслом, при этом давались невнятные намеки, что за всем этим должна лежать некая суть, сладкая на вкус и питательная для души. Но вся остальная информация строжайше утаивалась до тех пор, пока он не согласится связать себя святой клятвой абсолютной веры и слепого подчинения своему наставнику. 2. После клятвы ученику позволялось перейти на второй уровень, на котором насаждалось признание того, что имамы назначены Богом как источники всех знаний. 3. На третьем этапе ему сообщалось, каково же число этих благословенных святых имамов, и это было мистическое число семь. Так как Бог сотворил семь небес, семь миров, морей, планет, металлов, нот и цветов, то семь является и количеством этих самых достойнейших из созданных Богом людей. 4. На четвертом уровне воспитанник узнавал, что Бог послал в мир семь законодателей, каждому из которых предназначалось изменить и усовершенствовать систему своего предшественника. У каждого из них было по семь помощников, которые являлись в промежуток времени между тем, кому они помогают, и его преемником. Эти помощники, поскольку они не проявляют себя как публичные проповедники, назывались безмолвными (*самит*), в противоположность вещающим за-

конодателям. Семью законодателями были: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и Исмаил, сын Джаффара. Семью главными помощниками, называвшимися ситами (*сус*), были: Ситх, Шим, Исмаил (сын Авраама), Арон, Симон, Али и Мухаммед, сын Исмаила. Справедливо отмечено¹⁹, что последний из названных умер в середине XVIII века. Наставник был вправе выбрать кого заблагорассудится в качестве безмолвного пророка среди современников и внушить веру в него и подчинение всякому, кто не перешел на более высокий уровень. 5. Пятая ступень учила тому, что у каждого из семи безмолвных пророков было двенадцать апостолов для распространения веры. Истинность этого числа также доказывалась по аналогии: существует двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать родов в Израиле, двенадцать фаланг на четырех пальцах каждой руки и т. д. 6. Воспитаннику, которого довели до этого уровня и который не продемонстрировал своенравия, вновь предлагалось поразмыслить над заповедями Корана и говорилось, что все позитивные составляющие религии должны подчиняться философии. В результате его в течение длительного времени знакомили с философскими системами Платона и Аристотеля. 7. Когда испытуемый был полностью готов, он допускался на седьмой уровень, где посвящался в мистическое учение пантеизма, которого придерживалась и проповедовала секта суфитов. 8. На восьмой ступени все положи-

¹⁹ У Хаммера.

тельные религиозные принципы вновь подвергались осмыслению, вуаль срывалась с глаз воспитанника, и все, что было до этого, объявлялось лишь строительными лесами для возведения величественного здания знаний. Пророки и наставники, рай и ад – это все ничто. Будущие благодать и страдания – всего лишь бесполезные сны, и любые действия позволительны. 9. Девятый уровень был предназначен лишь для того, чтобы внушить: ни во что верить нельзя, можно делать все что угодно²⁰.

Внимательно знакомясь с тем, что написано о тайных обществах, их порядках, уставах, иерархии, а также об объемах и характере знаний, которые передавались в них, всегда сталкиваешься с трудностями. Поскольку таинственность является главной сутью всего, что касается этих обществ, то возникает вопрос: а получили ли те, кто писал о них и кто был, как правило, враждебно настроен к ним, корректную информацию об их внутреннем устройстве, истинном характере их установок и убеждений? В данном случае в разговоре об обществе, которое процветало главным образом в X–XI веках, приходится полагаться на Макризи, который писал это в

²⁰ Г-н де Саси придерживается мнения, что арабские слова «талил» и «ибяхат» не несут в себе столь сильного смысла, который в них вкладывает Хаммер. Первое, по его мнению, обозначает такой деизм, который рассматривает Всевышнего как нечто умозрительное и отрицает какие-либо моральные отношения между ним и человеком; последнее указывает лишь на освобождение от прямых религиозных заповедей, таких как пост, молитва и т. п., но не от моральных обязательств.

XV веке. Источники его информации и по более ранним векам не подвергались сомнению, но неизвестно, кто они были и откуда получали свои сведения. Вероятно, наиболее правильным в данном случае, как и в других ситуациях, будет признать за правду предоставленные сведения в целом, но позволить себе усомниться относительно точности деталей. Так, можно согласиться с фактом существования учебного заведения в Каире и что в нем преподавались мистические учения суфизма, а также то, что учащимся внушалось наличие у халифов Фатимидов прав на власть в халифате, что проповедники оттуда отправлялись по всему Востоку. Но вряд ли стоит доверять легенде о девяти ступенях, через которые должны были пройти воспитанники, или соглашаться с тем, что курс обучения заканчивался доктриной, ниспровергающей любые религии и все нормы морали.

Как уже известно, дай-аль-доат, или главный проповедник, находился в Каире, чтобы руководить деятельностью общества, в то время как подчиненные ему дейзы пошли по всему владению династии Аббасидов, переманивая сторонников для поддержки притязаний Али. Вместе с дейзами путешествовали их товарищи (*рифийк*), которые были лишь до определенного момента посвящены в тайные учения, но им и не полагалось учить либо привлекать новых сторонников, эта почетная обязанность лежала целиком на дейзах. Через деятельность дейз общество распространилось настолько широко, что в 1058 году эмир Бессассири, входивший в

него, стал властителем Багдада и сохранял власть в нем в течение целого года. Он чеканил деньги и организовывал богослужения от имени египетского халифа. Тем не менее эмир пал от меча Тогрула Тюркского, к помощи которого воззвал немощный Аббасид, и эти два характерных в истории суверенитета мусульман действия вновь осуществлены династией Аббасидов. Вскоре после этого, похоже, общество в Каире пошло на спад вместе с утратой влияния халифов Фатимидов. В 1123 году могущественный визирь Афдхал, воспользовавшись беспорядками, вызванными обществом, закрыл дар-аль-хикмет и, скорее всего, разрушил его. Его преемник Мамун разрешил обществу проводить собрания в здании, возведенном по другому случаю, и оно продолжало влачить там свое существование до падения египетского халифата. Политику Афдхала лучше всего, видимо, объясняет положение вещей на Востоке в то время. Халиф в Багдаде стал красивой пустышкой, лишенной всякой реальной власти; бывшие владения династии Аббасидов находились в руках турок-сельджуков; франки владели основной частью Сирии и угрожали Египту, в котором халифы тоже пришли к полной несостоятельности, а вся реальная власть перешла к визирю. И поскольку последнего ничто не беспокоило, кроме сохранения Египта, общество, созданное с целью набора сторонников прав Фатимидов, было для него скорее помехой, чем наоборот. Поэтому он, видимо, и был склонен к тому, чтобы известить его, особенно когда уже появилось его ответвле-

ние – общество ассасинов, которое, пренебрегая интересами Фатимидов, искало власти для себя. Теперь можно перейти к рассказу об этой примечательной организации.

Глава 3

Али из Рея. – Его сын Хасан Сабах. – Хасан направлен на учебу в Нишабур. – Встреча с Омаром Хайямом и Низамом аль-Мульком. – Заключение между ними соглашение. – Хасан представлен Низамом султану Малек-Шаху. – Хасан вынужден покинуть двор. – Притча о нем. – Его собственное изложение обращения в исмаилиты. – Поездка в Египет. – Возвращение в Персию. – Хозяин Аламута

Был такой человек по имени Али, который жил в городе Рей в Персии. Он был рьяным шиитом и утверждал, что его род изначально прибыл из Куфы в Аравии. Однако жители Хорасана считали, что его семья всегда жила в одной из деревень вблизи города Тус, в этой провинции, и потому его притязания на арабские корни были ложными. Али, по всей видимости, был склонен скрывать свои убеждения и в самых клятвенных заверениях убеждал наместника провинции, сурового суннита, в своей правоверности. В конце концов он удалился в монастырь, чтобы провести остатки своих дней в медитационных размышлениях. В качестве еще одной по-

пытки очистить себя от обвинений в ереси он отправил своего единственного сына Хасана Сабаха²¹

²¹ Также Хасан бен-Сабах (сын Сабаха), названный по имени Сабаха Хомайри, якобы одного из его арабских предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.